

Записки безумной оптимистки. Три года спустя

Автор:

Дарья Донцова

Записки безумной оптимистки. Три года спустя

Дарья Аркадьевна Донцова

Очень часто читатели задают мне одни и те же вопросы: правда ли, что я усыновила Аркадия, удочерила Машу и живу в поселке Ложкино в окружении множества животных? Наверное, когда автор пишет книги от первого лица да еще дает главным героям имена членов своей семьи, у людей возникает ощущение: писатель рассказывает о себе. С одной стороны, это верно – многое в моих романах основано на личном опыте, с другой... Я не получала огромного наследства, как Даша Васильева, не убегала из дома, как Евлампия Романова, не росла в семье алкоголички и уголовника, как Виола Тараканова, и никогда не была мужчиной, как Иван Подушкин. Но тем не менее мои персонажи – это я, а я – это они. Чтобы отделить Агриппину от Дарьи, я и написала автобиографию, в которой нет ни слова лжи. Кое о каких событиях я просто умолчала. В год, когда мне исполнится сто лет, я выпущу еще одну книгу, где расскажу абсолютно все, а пока... Жизнь продолжается, в ней случается всякое, хорошее и плохое, неизменным остается лишь мой девиз: «Что бы ни произошло, никогда не сдавайся!»

Дарья Донцова

Записки безумной оптимистки

Следует помнить, что на свете есть много людей лучше тебя. Когда осознаешь это, становится светлей.

И. Бродский

Я побаиваюсь журналистов. По-моему, они отдают интервью в печать до того, как встретятся с «объектом». Сами задают вопросы и сами на них отвечают. Оно бы и ничего, только, к сожалению, ответы всегда получаются разными.

За последние полгода я, проигнорировав совет профессора Преображенского[1 - Профессор Преображенский – один из главных героев книги М. Булгакова «Собачье сердце», который настоятельно рекомендовал не читать газет на ночь.], перед тем как заснуть, листала самые разные издания и почти во всех наткнулась на информацию о госпоже Донцовой. Милые мои, я увидела столько нового и интересного! Ну, хотя бы количество моих бывших мужей. Их цифра колебалась от двух до двенадцати. Честно говоря, узнав о том, что мне удалось соблазнить, а потом дотащить до дверей загса целую дюжину парней, я страшно обрадовалась. Согласитесь, это трудно проделать даже с одним мужиком, а тут больше десятка! Намного меньше понравилось сообщение о наличии у меня протеза на ноге. Причем одни журналисты утверждали, что у Донцовой левая нижняя конечность железная, а другие – будто правая.

После этой заметки я, страшно обиженная, подошла к зеркалу и стала изучать свои ноги. Да, согласна, они совсем не идеальны по форме, вверху имеются «уши», а ниже колен ножонки слегка тощеваты. Вот если бы сверху отрезать, а к низу приставить. Ладно, это детали, но разве мои ноги похожи на протезы? Потом целую неделю я приставала к мужу, детям и подругам, тупо задавая им один вопрос:

– Ну скажи, мои ноги похожи на деревянные?

В конце концов Зайка, которую я довела почти до обморока, обозлилась и рывкнула:

– О господи, нет, конечно! Искусственные выглядят безупречно! О твоих такого сказать нельзя. И потом, ты же косолапая.

Что правда, то правда. У моих туфель всегда стаптывается внутренняя сторона подошвы. Медики, глядя на такую походку, говорят красивые слова – «вальгусная постановка стопы», но на самом деле это просто косолапость. И уж тут ничего не поделаешь, такой я родилась.

Слегка успокоившись, я легла спать. Ну не наплевать ли на газеты? Из мирных сновидений меня вырвал телефонный звонок. Я глянула на часы: пять утра, слегка удивилась и схватила трубку.

– Алло.

– Маша, – прорыдал в ухо голос председателя моего фан-клуба, – Машенька, когда похороны мамы?

Честно говоря, я на секунду растерялась. Нет, не оттого, что меня назвали Машей. У меня голос подростка, и частенько, снимая трубку, я слышу фразу: «Деточка, позови папу!» Но при чем тут похороны? Может, Андрей заболел? Тихонько кашлянув, я сказала:

– Это Даша. Дату похорон я пока назвать не могу, ну думаю... э... год этак, 2058-й... 59-й... 60-й... Ну не знаю!

– Ты жива! – завопил Андрей.

– В общем и целом да, – осторожно ответила я.

Из трубки понеслось бульканье, кваканье, всхлипывания... С большим трудом я поняла, в чем дело. Вчера вечером Андрей купил газету и прочитал в ней сообщение о том, что писательница Дарья Донцова скончалась в онкологическом центре на Каширском шоссе после очередной операции.

Кое-как успокоив председателя фан-клуба, я решила выпить кофе, но не тут-то было! Все телефоны словно сошли с ума. Передо мной на столике подпрыгивали мобильники. Я поочередно хватала трубки, походя сделав неприятное открытие: все номера сотовых телефонов, даже абсолютно секретный, предназначенный лишь для мамы, свекрови, мужа и детей, известны журналистам. Домашний стационарный аппарат не выдержал нагрузки и к обеду сломался. Те, кто не сумел дозвониться до меня, атаковали детей и мужа.

Потом прибежала испуганная лифтерша.

– Даша, спустись во двор.

Я выскочила на улицу и увидела кучи букетов и массу свечей. Ладно, в конце концов, последние в хозяйстве пригодятся. Вот уеду в деревню на лето, там нам отключат электричество, и я сожгу все свечи. Но что делать с этим морем цветов? Раздать соседям? И ведь никто не догадался принести любимой писательнице коробочку шоколадных конфет на поминки! Сейчас бы я попила с ними кофе!

Начавшись ужасно, день кончился как фарс. К девяти вечера, к началу прямого эфира на радио, я настолько устала повторять: «Нет, я не умерла, жива!» – что, когда включили микрофон, сообщила:

– Добрый вечер, дорогие радиослушатели, у микрофона труп Дарьи Донцовой!

Режиссер на пульте погрозила мне кулаком, и тут взбесились все телефоны, стоявшие перед ней. Пришлось звать на помощь двух редакторов. Я сделала еще одно открытие: оказывается, люди отлично знают не только те номера, которые сообщаются в эфир, но и те, что предназначены сугубо для внутреннего пользования. Я сама все не помню!

После эфира, около полуночи, мы с моим шофером отправились в «Седьмой континент» за продуктами. При виде меня кассирши вскочили и ринулись вперед с воплем:

– Даша!

Водитель быстро встал передо мной и сурово заявил:

– А ну быстро вернулись за кассы, не трогайте Дашу, она еле на ногах стоит!

Девушки притормозили, потом одна, самая бойкая, воскликнула:

– Ой, Дашенька! А мы так плакали, когда узнали, что вы повесились!

От неожиданности я села на коробку, в которой лежали упаковки с яйцами, и, раздавив почти все, пролепетала:

– Повесилась?

Тут же мне подсунули газету, глаза побежали по строчкам: «...и тогда, почувствовав, что ей после операции не выжить, Дарья решила покончить с собой».

Заплатив за раздавленные яйца, я уехала домой. В машине мы мрачно молчали, но, добравшись до подъезда, шофер не выдержал и заявил:

– Ерунда, не обращайтесь внимания! Зато теперь вы знаете, как вас люди любят!

Я кивнула, поднялась домой, доплелась до кухни и увидела на столике с десяток блинчиков с мясом, нежных, ароматных, «кружевных». Тут же мой несчастный желудок вспомнил, что за весь день ему досталось лишь две чашечки кофе. Я схватила верхний блин и, постанывая от восторга, стала его заглатывать. В этот момент на кухню, зевая, выползла Маша.

– Кто же испек эти восхитительные блинчики? – с набитым ртом поинтересовалась я.

– Наташка, – ответила Маня, – она их из дома привезла.

Я удивилась:

– Но ведь Наташа приходит убирать квартиру по пятницам, а сегодня среда!

Маня чихнула и пояснила:

– Она на поминки их приготовила, ну а потом, когда выяснила, что ты жива, навертела мяса и внутрь запихнула. Не пропадать же добру!

Едва не подавившись, я села на табуретку. Хорошо хоть Наташка кутью не сгоношила. Сами понимаете, что после этого на всякие мелочи обращать внимание мне уже не хотелось. Ну муссируется слух, что за Донцову пишет бригада, ну сообщили, что у меня семнадцать собак, ну эмигрировала я в Париж, ну взял мой муж себе фамилию Донцов, чтобы примазаться к славе жены, а живу я с эстрадным певцом Витасом, которого только по этой причине взяли на одну из главных ролей в телесериале, ну купила я себе шубу за триста тысяч долларов... Нет, круче моей смерти ничего не придумать!

Милые мои, оказалось, что я наивная маргаритка! Потому что я, в очередной раз схватив газеты, увидела восхитительную заметку: «Мы совершенно точно знаем, что писательницы Дарьи Донцовой в природе не существует. Все эти ужасные детективы пишет толстый, старый, лысый дядька, а на оборотной стороне книги помещены фотографии разных женщин. На первых она брюнетка с худым лицом и длинным носом, потом произошла трансформация в тетку с рыжими волосами, а теперь перед нами блондиночка с аппетитными щечками...»

Газета выпала у меня из рук. Ну да, все на первый взгляд верно, я про фото. Когда «Эксмо» решило печатать «Крутые наследники» и «За всеми зайцами», я как раз проходила курс химиотерапии, а одно из последствий этого лечения – алопеция, или, если по-простому, облысение. Ну согласитесь, дать на обложку свой снимок с голым черепом как-то эпатажно, поэтому я предстала перед фотографом в парике. Блондинистого я не нашла, пришлось купить тот, что подошел.

Что же касается носа... Да я просто в тот момент весила сорок два килограмма и напоминала мумию. Вот на моем лице и остался один нос. Потом был не слишком удачный эксперимент с отросшими волосами. Я вообще-то натуральная блондинка с голубыми глазами, а тут черт меня попутал перекраситься. Я просила парикмахершу «добавить» немного рыжины, а она перестаралась, или краска попала ядовитая, но в результате на моей голове встопорщился ежик, более всего напоминавший по цвету гнилые «синенькие». Потом, решив, что больше никогда не буду изменять цвет волос, я вновь стала блондинкой. Ну а щеки... Послушайте, я просто отъелась после болезни, вернула свои пятьдесят килограммов, и все тут! Хотя... Щечки! Может, худеть пора?

Уж не знаю, почему меня так задела статья! Наверное, потому, что она отрицала сам факт существования Дарьи Донцовой как физической особи? Даже те, кто написал о моей трагической смерти, не сомневались, что Дарья Донцова все же жила на этом свете.

Промучившись до утра, я решила: хватит. Сама напишу про себя правду. Так и получилась эта книга. Даю вам честное слово, тут нет ни слова лжи, я постаралась быть с вами предельно откровенной. Не скрою, что кое о каких фактах своей биографии я предпочла умолчать. Как у всех людей, в моей жизни были моменты, о которых неприятно вспоминать, и я не стану о них рассказывать. Но все-все в этой книге – чистая правда.

Я появилась на свет седьмого июня 1952 года, ровно в полдень, в Москве, в родильном доме, который носил в те времена имя Надежды Крупской. Для тех, кто забыл или не знает, поясню: Надежда Крупская была женой Владимира Ленина. Лично для меня осталось загадкой, почему имя этой неординарной женщины, отдавшей всю свою жизнь делу революции, присвоили родильному дому? У Надежды Константиновны никогда не было собственных детей.

В нашем семейном архиве сохранился маленький кусочек оранжевой клеенки. На нем «химическим» карандашом написано: «Новацкая Тамара Степановна, девочка, вес 3520 г, рост 51 см». Так что я была совершенно стандартным младенцем. А на клеенке, естественно, написали имя, отчество и фамилию моей мамы.

Я была поздним ребенком. Маме исполнилось тридцать пять, а папе сорок пять лет. Когда я появилась на свет, родители не состояли в браке, отец был женат на другой женщине, и по Союзу писателей в тот год ходила шутка: «У Аркадия Николаевича Васильева родилась дочь!» – «Да что вы говорите, а его жена об этом знает?»

Наверное, трудно найти более разных людей, чем мои родители, они не совпадали ни в чем. Сначала о маме.

Мой дед, Стефан Новацкий, был поляком и детство провел в Варшаве. Сейчас многие люди вспомнили о том, что их предки являлись князьями и графами. Мне тут похвастаться нечем. Прадед пил, не просыхая, с утра до ночи. Чтобы прокормить детей, мальчиков Яцека, Стефика и девочку Кристину, моя прабабушка ходила по домам стирать белье. О стиральных машинах тогда и слухом не слыхивали. Поэтому состоятельные граждане нанимали прачек. Среди прабабушкиных клиентов был ксендз, католический священник. Как вы знаете, римская церковь строго-настрого запрещает своим служителям вступать в брак и заводить собственных детей, но вот пригреть ребенка-сироту или помочь бедному мальчику не возбраняется. Ксендзу очень понравился послушный, аккуратный Стефик, и он сначала оплатил обучение мальчика в гимназии, а потом устроил его на работу. Мой дед по тем временам стал образованным человеком, он служил метранпажем в типографии.

Ксендз заставил Стефана поклясться на иконе, что он никогда не прикоснется к рюмке. Но, как выяснилось, это была зряшная предусмотрительность. У Стефана обнаружилась такая странная особенность, как полное неприятие алкоголя. Стоило ему выпить чайную ложку слабого вина, и тут же наступал почти полный паралич. Нет, это не было опьянением, у Стефана просто останавливалось сердце и отрубалось дыхание. Пару раз он чуть не умер, потом понял: спиртное ему нельзя даже нюхать. Обычная настойка валерьянки вполне способна была отправить его на тот свет. Самое интересное, что подобную же «болезнь» сначала получила я, а потом по наследству она передалась моему старшему сыну Аркадию. Мы с Кешей всегда сидим дураками в веселой компании. Но об этом потом.

Поняв, что любимый воспитанник никогда не станет алкоголиком, ксендз успокоился, а зря. Потому как Стефан, работая в типографии, начал читать разные книги, и не только те, которые давал ему священник, и в конце концов примкнул к партии большевиков. Уж и не знаю, что хуже: лежать пьяным или играть в революцию, но братья Новацкие, и Стефан и Яцек, горели желанием построить «светлое завтра». Поэтому, покинув Варшаву, они уехали вместе с Феликсом Дзержинским делать мировую революцию.

Каким ветром Стефана занесло в 1915 году на Кавказ в местечко под названием Кисловодск, я не знаю. Но он туда приехал и встретил там девушку необыкновенной красоты, терскую казачку Афанасию Шабанову. Странное имя она получила из-за того, что ее отец Константин в свое время поругался с местным попом.

Когда Шабанов принес крестить новорожденную дочь, батюшка, припомнив скандал, уперся рогом в землю и заявил:

– Сегодня день святого Афанасия, быть девчонке Афанасией.

Я ни разу в своей жизни не встретила женщины, носившей имя Афанасия. Впрочем, я звала бабушку Фася, а Аркашка презвал ее в Асю.

Семья Шабановых была незнатной, но богатой. Она владела землей, имела несколько домов, и Афанасия, хоть и не единственная дочь в семье, оказалась невестой с отличным приданым...

Году этак в пятьдесят девятом Фася повезла меня в Кисловодск, показать свою родину. Подведя меня к большому зданию с белыми колоннами, бабуся ткнула в него пальцем и сообщила:

– Вон там, на втором этаже, находилась моя спальня.

Я удивилась:

– Ты жила в санатории!

Бабушка улыбнулась и погладила глупую внучку по голове:

– Нет, Грушенька, дом принадлежал целиком моему отцу. А потом случилось несчастье, Октябрьская революция, и мы все потеряли.

Каким образом пламенный революционер Стефан Новацкий сумел уломать богатых Шабановых и жениться на Афанасии, я, честно говоря, не понимаю, но факт остается фактом, и в 1916 году они, уже будучи мужем и женой, приехали в Москву.

Бабушка любила мужа безмерно. Спустя много лет после его трагической смерти она рассказывала всякие истории, в которых Стефан представал самым умным, самым красивым, самым лучшим.

14 апреля 1917 года на свет появилась моя мама, названная Тamarой. Мама очень не любит, когда мы вспоминаем, что она родилась еще до большевистского переворота, но из песни слова не выкинешь. Когда крейсер «Аврора» выстрелил в сторону Зимнего дворца, Томочке исполнилось полгода.

Стефан очень быстро сделал карьеру сначала в рядах ЧК, а потом НКВД. Феликс Дзержинский доверял полякам и окружил себя своими земляками.

Жили Новацкие на Тверской, в огромной квартире, окна которой выходили на Центральный телеграф. Кто только не приходил в гости к Новацким! У бабушки сохранился фотоальбом, я очень любила его перелистывать, наблюдая за тем, как росла моя мама. Но вот что удивляло: одни лица на снимках были вырезаны, другие густо замазаны чернилами. Фотографии выглядели более чем странно:

сидит военный, головы у него нет, рядом улыбается моя мама.

- Бабушка, - спросила я, - это кто?

Афанасия зачем-то накрыла телефон подушкой и сказала:

- Троцкий, только лучше забыть тебе эту фамилию.

Детская память причудлива, не сделай Фася этого замечания, я бы мигом выбросила из головы услышанное. Троцкий так Троцкий, кто он такой, я в шестидесятом году, естественно, не знала. Но из-за того, что ее велели забыть, запомнила.

- Вон тот Бухарин, - шепотом сообщила бабушка, указывая пальцем на другого «безголового», - царствие им небесное, хорошие были люди!

- Почему ты их замазала? - поинтересовалась я.

Бабушка замялась, а потом решительно ответила:

- Давай объясню все лет через шесть, а?

Но меня терзало любопытство, и я воскликнула:

- Но усатый же дяденька с лицом!

Бабуля вздохнула:

- Семен Михайлович Буденный! Его никогда не арестовывали.

Есть у меня еще одно очень яркое воспоминание детства. Мы с бабусей, а я постоянно ходила за ней хвостиком, приехали в какое-то просторное здание и сели в приемной, возле красивой, обитой кожей двери. Вдруг она распаивается, на пороге появляются две женщины с заплаканными лицами. Одна держит в руках деньги. Они выходят в приемную, и тут разыгрывается сцена, поразившая мою детскую душу. Первая женщина рушится около меня на стул и начинает

рыдать, изредка выкрикивая:

- Суки, ах, какие суки!

А вторая лихорадочно рвет купюры, бормоча:

- Иудины сребреники, не надо, не надо...

Поднялась дикая суматоха. Набежали врачи, женщин стали успокаивать, запахло лекарствами. Я наблюдала за происходящим, разинув рот. Люди топтали обрывки ассигнаций, усыпавшие красную ковровую дорожку, никто не нагнулся, чтобы поднять целые купюры.

Завороженная зрелищем, я не заметила, как бабушка исчезла за красивой кожаной дверью, очнулась я только после того, как она, вернувшись, взяла меня за плечо:

- Пошли.

В руках у бабушки тоже были разноцветные купюры. Мы очутились на шумной улочке. Внезапно Фася остановилась, лицо ее было растерянным. Я терпеливо ждала, когда мы пойдем в кондитерскую. Каждый раз, получая пенсию, бабушка вела меня в Столешников переулок, и мы возвращались домой с коробочкой восхитительных пирожных: эклеров с заварным кремом, корзиночек, украшенных грибочками, безе, буше...

Но в этот раз бабушка отчего-то медлила.

- Фася, - потянула я ее за руку, - ну не стой!

Бабушка глянула по сторонам и вдруг выхватила из толпы мальчишку лет двенадцати.

- Вы чего, тетенька?! - заныл он.

- У тебя отец есть? - спросила Фася.

Мальчик нахмурился:

- Нет, и не надо, сами с мамкой проживем.

Бабушка сунула ему в карман деньги, которые до сих пор держала в руке:

- Возьми, отдай матери!

- От кого? - растерялся подросток.

Фася потащила меня к метро. Мальчик догнал нас у самого входа.

- Тетенька, так от кого деньги?

- От Стефана Новацкого, пусть тебе купят новую одежду и книги.

В вагоне я прижалась к Фасе и сказала:

- Вот какие странные люди встречаются, надо же, деньги порвать!

Бабушка, ничего не говоря, обняла меня.

- А зачем ты мальчику деньги отдала? - тараторила я. - Мы пирожные купим?

Фася вздохнула:

- Конечно, ты какие хочешь?

Лишь много лет спустя я узнала, что странные женщины были родственницами Тухачевского[2 - М. Н. Тухачевский (1893 - 1937) - маршал, необоснованно репрессирован и расстрелян, реабилитирован посмертно.], а деньги - компенсацией, которую стали выплачивать семьям реабилитированных людей.

Стефан Новацкий был умным человеком и, работая в системе НКВД, очевидно, понимал, что жизни ему не будет. Я не знаю, что творилось в душе у деда, когда он сообразил, что вместо светлого будущего, о котором братья Новацкие

мечтали с другими идеалистами, они построили лагеря и тюрьмы, но одно он понимал точно: рано или поздно ему идти вслед за всеми.

В первый раз братьев Новацких посадили за решетку в 1922 году по обвинению в контрреволюционной деятельности. Бабушка тогда была беременной на восьмом месяце. От потрясения она родила раньше срока мальчиков-близнецов, которые, не прожив и суток, скончались. Впрочем, Стефана выпустили довольно скоро, потому что бабушка ухитрилась прорваться к другу деда, Феликсу Дзержинскому. Она несколько раз рассказывала мне эту историю, повторяя:

– Дзержинский был плохой человек, представляешь, я его знала как облупленного, а он обратился ко мне в своем кабинете на «вы», да еще заявил: «Ваш муж изменил идеалам революции».

Но бабушка, во-первых, обожала мужа, а во-вторых, была терской казачкой с примесью грузинской крови. Она вскипела, скинула со стола Феликса Эдмундовича какие-то бумаги, подлетела к нему, схватила его за гимнастерку и, начав трясти, прошипела:

– Значит, когда ты брал у Стефана и Яцека кусок хлеба, то не считал их предателями. Или ты настолько хотел жрать, что наплевал сам в тот момент на идеалы. Можешь и меня посадить, но знай: есть высший суд, и там мы, Новацкие, тебя встретим.

Потом, плюнув ему на сапоги, бабушка ушла, абсолютно уверенная в том, что ей не дадут выйти из здания ЧК. Но получилось иначе. До самой своей смерти Феликс Дзержинский упорно делал вид, что никакого скандала между ним и Афанасией не произошло. Стефан благополучно вернулся к жене, а вот Яцек больше не увидел свободы, он умер в камере, покончил жизнь самоубийством в одиночке. Когда Яцек узнал, что его ближайший друг Дзержинский подписал приказ об его аресте, он сначала заплакал, а потом, оказавшись в камере, разбил стекло у своих очков и проглотил осколки. Яцек не мог больше жить в мире, где лучшие друзья становятся предателями.

Стефан же вышел на свободу и до 1937 года продолжал работать в органах. Потом дедушку посадили по делу Тухачевского, и бабушка его больше никогда не увидела.

Она рассказывала мне о длинных очередях, в которых стояла с передачами, о том, с каким напряжением ждала писем. Но Стефану запретили переписку, он как в воду канул. Фася не знала, что с мужем. Ее с дочерью выселили из квартиры на Тверской в барак на Скаковой улице, в маленькую, десятиметровую комнатку с земляным полом. Но бабушка была счастлива: по непонятной причине машина сталинских репрессий дала сбой, и семью Новацкого не отправили в лагерь. Про бабушку и мою маму отчего-то забыли, случались иногда подобные казусы. Впрочем, Афанасия немало способствовала тому, чтобы ее не замечали. Она мгновенно оборвала все связи со знакомыми, стала работать кассиром и никуда, кроме как на службу, не ходила. В год, когда дедушка сгинул в неизвестности, его жене не исполнилось еще и сорока лет. Афанасия обладала редкой красотой, сохранившейся до старости, на нее оглядывались на улице даже тогда, когда ей исполнилось семьдесят. В особенности поражало сочетание иссиня-черных, густых, блестящих волос и огромных ярко-голубых глаз. Женихи вились вокруг бабушки роями, но Фася отказывала всем, она до последних своих дней любила Стефана и очень мучилась от неизвестности. Но потом случилось чудо.

Году этак в 40-м ночью к ней в барак пришел мужчина самого обтрепанного вида, его лицо закрывала низко надвинутая на лоб кепка. Когда незнакомец постучал в дверь, было совсем поздно, и бабушка предусмотрительно спросила:

– Кто там?

– Открой, Афаня, – тихо произнес пришелец.

Бабуся вздрогнула. Афаней ее звал Стефан. Дрожащими руками она сняла цепочку и подавила разочарованный вздох. Стефан был высокого роста, худощавый, а в коридор сейчас вошел низкий, кряжистый мужчина. Когда он снял кепку, бабушка чуть не упала. Перед ней стоял один из ближайших друзей Стефана, генерал Горбатов.

– Ты зачем пришел? – прошептала Фася. – С ума сошел! Быстро уходи, пока никто не увидел.

Но Горбатов втолкнул бабушку в комнату и сказал:

– Ничего, я переодетый, да и не следит за мной никто. Машина стоит у работы, шофер считает, что хозяин в кабинете, слушай меня внимательно.

Фася села на кровать, а Горбатов стал рассказывать. Он целый месяц ездил по лагерям с инспекцией, проверял местное начальство. В конце концов его занесло под город Благовещенск. Там начальник лагеря повел гостей из Москвы полюбоваться на цех, где заключенные делали ножницы.

Первым, кого Горбатов увидел, войдя в заводское помещение, был Стефан. Секунду друзья смотрели друг на друга, но что они могли сделать? Оба великолепно понимали: в подобной ситуации им остается только мысленно обняться. Горбатов прошелся по цеху, уже уходя, он подошел к Стефану, вырвал у него из рук готовые ножницы и сказал начальнику:

– Чего они у тебя такой кривой инструмент делают?

– Так безрукие все, – принялся оправдываться энкавэдэшник, – учу, учу, и все без толку.

Горбатов хмыкнул и, сунув ножницы в карман, ушел. Он привез сделанный Стефаном инструмент в Москву и отдал его Афанасии. Поступок по тем страшным, темным временам просто героический. Ножницы эти, и впрямь чуть кривоватые, живут в нашей семье и сегодня, их хранит мама.

Есть еще одно, последнее мое воспоминание, связанное с дедушкой Стефаном. Как-то раз мы с бабушкой пошли в Большой театр. Афанасия отчего-то не повела меня в буфет пить ситро, а потащила сквозь фойе и коридоры в какое-то помещение, не служебное, открытое для зрителей, но совершенно безлюдное, пустынное и гулкое. В углу стояло огромное зеркало в резной раме.

– Грушенька, – сказала бабуся, – ты худенькая, ну-ка залезь за зеркало и прочти, что там написано на оборотной стороне.

Я, слегка удивленная странной просьбой, выполнила приказ, увидела неровные буквы – «Стефан и Афанасия Новацкие, 1927 год».

– Это что, бабуля? – удивилась я.

– Зеркало стояло в квартире у нас с дедушкой, – тихо пояснила бабушка, – а потом, после ареста Стефана, всю мебель реквизируют, вот оно сюда и попало.

Самое интересное, что зеркало находится в Большом театре и по сей день. Уже в восьмидесятые годы, будучи взрослой женщиной, я, придя на балет, не пошла в зрительный зал, а отправилась на поиски того холла и нашла его! Кое-как протиснулась за зеркало в угол и снова увидела надпись: «Стефан и Афанасия Новацкие, 1927 год». Слезы полились из глаз: ни дедушки, ни бабушки нет в живых, а посеребренное стекло, в котором когда-то отражались их молодые счастливые лица, даже не помутнело от времени.

О родителях отца мне известно намного меньше. Практически не сохранилось никаких фотографий, оба они не дожили до моего рождения, и я с ними знакома не была. Дед, Николай Васильев, работал на ткацкой фабрике в городе Шуя, а бабушка Агриппина, в честь которой мне дали имя, служила поденщицей, мыла полы. Жили очень бедно, практически впроголодь, не хватало всего: еды, одежды, постельного белья. Представьте теперь негодование Агриппины, когда она видела, как Николай, залив в лампу дорогой керосин, вынимает купленный в лавке карандаш, открывает тетрадь и начинает писать. Дед вел дневник, причем делал это с простотой степного акына, по принципу: что вижу, о том и пишу. «Вот идет Ванька, он купил хлеба, а там орет Анфиса, козу потеряла». Дед мог часами водить карандашом по бумаге. Агриппина ругалась нещадно: керосин, тетради – все дорого, в доме нет самого необходимого, а глупый муж переводит деньги на ерунду. Николай, если супруга доводила его до точки, мирно говорил:

– Граня, отвяжись. Ну хочется мне бумагу марать, ведь это не грех! Я не пью, не курю, тебя люблю, чего еще надо. Да пойми ты, если я не стану в тетради калякать – заболею.

Николай, не имевший никакого образования, испытывал просто физиологическую потребность в письме. Вот и не верь после этого в генетику! Тяга к «бумагомарательству» передалась сначала моему отцу, потом мне. А теперь я вижу, как мой трехлетний внук Никита, плохо пока знающий буквы, с самым счастливым видом черкает ручкой в альбоме. И если другие дети в его возрасте рисуют, то Никитка «пишет». Так что никакой моей заслуги в том, что я стала писательницей, нет. Просто мне посчастливилось появиться на свет с нужной генетикой, только и всего.

Мой папа, Васильев Аркадий Николаевич, свои юношеские годы провел в городах Иваново и Шуя. Там он впервые женился на Галине Николаевне, и у них родилась дочь Изольда, моя сестра. Нас с Золей разделяют ровно двадцать лет, и она близкая подруга моей матери. Отец был уникальным человеком: имея за спиной три брака, он ухитрился сделать так, что все его жены дружили между собой. В детстве я задалась вопросом: кем мне приходится баба Галя? Фася – мама мамы, это понятно. Папина мать умерла, а баба Галя кто? Она родила мою сестру Золю, но мне-то кем приходится?

С этим вопросом я – кажется, уже второклассница – явилась к Галине Николаевне. Та обняла меня, прижала к своей мягкой груди и сказала:

– Грушенька, тебе здорово повезло. Иметь запасную бабушку удастся далеко не каждому. Пошли скорей на кухню жарить пирожки.

Галина Николаевна слыла удивительной кулинаркой. Никогда ни у кого не ела я таких пирогов, такого холодца и такой заливной рыбы. И еще, она была мудрой, простой русской женщиной, интеллигентной от природы, ласковой и очень доброй. Я прибегала в квартиру, где жила первая жена моего отца, твердо зная: здесь приютят, всегда накормят и если не сумеют помочь деньгами, то дадут нужный совет.

День, когда умерла Галина Николаевна, был таким же страшным, как и день смерти сначала папы, а потом бабушки. Галина Николаевна занимала большое место в моей жизни, и я до сих пор иногда мысленно разговариваю с ней.

С сестрой в детстве я не дружила. Да и о каких хороших отношениях могла идти речь? Мне десять – ей тридцать. Золя стала лучшей подругой моей матери, ко мне она всегда относилась как к дочери. Но сестра у меня все же есть, у Золи имеется дочь Катя, вот с ней нас разделяет всего год и связывает нежная дружба.

Чего мы только не творили в детстве! Открывали тюбик с зубной пастой, укладывали его на полу в длинном коридоре квартиры Ягодкиных и, хихикая, наблюдали, как Галина Николаевна, наступившая на тубу, растерянно бормочет:

– Ума не приложу, откуда эта штука тут взялась!

Мы мерили линейкой друг у друга косы, спорили из-за конфет, хватали с кровати Галины Николаевны зеленое покрывало с вышитыми на нем драконами, заворачивались в шелк и плясали в спальне, визжа от восторга. Случались и драки, но тут я всегда орала:

– Эй, Катька, ты должна меня слушаться, между прочим, я прихожусь тебе тетей!

Кстати, вспоминается одна забавная история. В свободное время нас с Катериной, как правило, отправляли на дачу в Переделкино. Класе в третьем Катюше задали сочинение на вечную тему «Как я провела зимние каникулы». Катя, девочка откровенная, написала примерно так: «Мы весело проводили время с тетей. Тетя сказала: «Давай прыгать из окна второго этажа в сугроб». И мы прыгнули. Тетя сказала: «Давай запряжем в санки собаку Дика и будем кататься». И мы это сделали. Тетя сказала: «Давай приставим к двери бабушкиной спальни швабру, Фася выйдет, а палка на нее упадет». Было очень весело». Уже не помню, какую оценку огребла Катюха, но русичка вызвала в школу Золю, показала ей опус и робко спросила:

– Вам не страшно оставлять своего маленького ребенка с явно психически ненормальной женщиной?

Бедной учительнице и в голову не могло прийти, что тетя всего на год старше племянницы.

Из-за нашей незначительной разницы в возрасте частенько случались комические ситуации. Катин сын Леня на год младше моего сына Аркаши. Как понимаете, Ленька – мой внук, правда, двоюродный. Первое, чему научили его мама с папой, были слова: «Баба Гуня пришла». Так что бабушкой я стала в двадцать один год – рекорд, достойный Книги Гиннеса, – а в сорок с небольшим превратилась в прабабушку: у Лени родились дочери. Иногда я пытаюсь сообразить, кем приходится мой внук Никита внукам Катюши, и каждый раз остаюсь в недоумении.

Неловкость всегда возникала у меня и при общении с мужем Золи. Владимир Николаевич Ягодкин, профессор МГУ, экономист, известный ученый, сделал, как сказали бы сейчас, блестящую политическую карьеру, он стал одним из секретарей Московского городского комитета партии, заместителем

всесильного по тем временам Виктора Васильевича Гришина. И я, честно говоря, терялась, общаясь с мужем сестры. Он очень любил меня и помогал, чем мог, но вот как его называть? Володей? Это исключалось. Нас разделяло более двадцати лет. Дядей Володей? Глупо. Владимиром Николаевичем? Полный идиотизм. Поэтому я долгие годы старалась вообще обойтись без имени и, если мне требовалось поговорить с ним по телефону, просила Золю, снимавшую трубку:

- Позови Катю.

А уж Катерине говорила:

- Что там твой папа подделывает? Он может подойти?

Кстати, в детстве меня страшно злило, что Катюня звала моего папу дедушкой. Один раз, в Переделкино, Катюша стала под окном кабинета и завопила:

- Дедушка, выгляни!

Она явно хотела что-то спросить, но я не дала ей задать вопрос. В мгновение ока запихнула Катю в сугроб и сказала:

- А ну не смей звать моего папу дедом!

Катерина человек редкой незлобивости, все конфликты в детстве она пыталась разрешить исключительно миром. Лучшая подруга Виолы Таракановой – Томочка почти полностью списана с моей Катюши. Вот и в тот раз, стряхнув с себя снег и выплюнув невесть как поправшую в рот шишку, она спросила:

- Но как же? Дедушка мне дед!

- Не знаю, – рявкнула я, – как угодно! И потом, это нечестно! У тебя есть дед, а у меня нет!

Катюша притихла, а часа через два робко предложила:

- Хочешь, зови моего папу дедушкой, мне не жаль!

Вот в этой фразе вся Катерина, такой она была в детстве, такой осталась и сейчас. Ни научное звание – Катя талантливый экономист, – ни ответственная работа, ни пост начальника совершенно ее не изменили.

Первые годы своей жизни я провела в бараке на Скаковой улице. Никаких воспоминаний об этом периоде жизни у меня не сохранилось. Отец и мама не были расписаны, у папы тогда была другая жена – Фаина Борисовна, журналистка, работавшая в газете «Правда». Как все мужчины, мой папа не любил принимать радикальные решения, а мама оказалась слишком интеллигентной, чтобы, стукнув кулаком по столу, заорать:

– А ну немедленно разводись! У нас ребенок растет.

Бабушка тоже совершенно не умела скандалить, и потом, забрав внучку из родильного дома, Фася почувствовала себя такой счастливой, что ей было все равно: стоит у дочери штамп в паспорте или нет. Главное, есть Грушенька, свет в окошке, война закончилась, карточки отменили, жизнь налаживается...

Но в феврале 1953 года бабушка получила официальное уведомление. Ей с дочерью и внучкой предписывалось через месяц, где-то в середине марта, явиться по указанному адресу. С собой разрешалось иметь одно место багажа. Сталин вспомнил о Новацкой, и было принято решение о выселении нашей семьи из Москвы. Месяц давался для улаживания всяких дел.

Увидав это предписание, мой отец моментально развелся с Фаиной Борисовной. В те годы формальности решались быстро, никто не давал никаких сроков на раздумье. Пришли, получили печати в паспортах, ушли.

Став свободным человеком, отец сразу повел маму в загс. Она попыталась сопротивляться и сказала:

– Ведь нас выселяют, может, лучше тебе со мной не связываться?

Аркадий Николаевич хмыкнул:

– Ну уж нет, уезжать, так вместе, одной семьей. И потом, кто багаж понесет? Хорошо знаю вас с Фасей, вещи все бросите, тяжеленные альбомы с

фотографиями прихватите, а сумку поднять не сумеете.

Родители дошли до загса и ткнулись носом в табличку «Закррито». Папа возмутился:

- С ума сойти! Одиннадцать утра, а они обедать сели!

С этими словами он принялся колотить в дверь кулаком. Она распахнулась, появилась заплаканная тетка. Глянула на Тамару, державшую в руках букет, и довольно зло спросила:

- Что случилось?

- Жениться хотим, - ответил Аркадий Николаевич.

- С ума сошли, да? - взвизгнула тетка. - Радость у вас? У всей страны слезы, а вам потеха?

- Вы о чем? - попятилась мама.

- Ты не знаешь?

- Нет, - хором ответили родители. - Что случилось?

Тетка судорожно зарыдала, а потом еле-еле выдавила из себя:

- Сегодня умер Иосиф Виссарионович Сталин, мы теперь сироты! Ступайте домой, потом поженитесь.

В полном обалдении родители дошли до проспекта, и тут с мамой случилась истерика, из глаз ее потекли слезы. Редкие прохожие, почти все с заплаканными лицами, не обращали внимания на женщину, бьющуюся в рыданиях. В тот день вся Москва исходила плачем, только редко кто шептал при этом, как моя мама:

- Слава богу, это тебе за Стефана! Что же ты раньше не сдох!

Тамара плакала не от горя, а от счастья. Она потом пошла в Колонный зал, где было выставлено тело Сталина. Ее чуть не раздавили в толпе, но мама очень хотела поглядеть на покойника, ей надо было убедиться в том, что тиран, убивший ее отца и многих других ни в чем не повинных людей, умер. Тамара очень боялась, что это обман, в гробу кукла, а Сталин просто спрятался.

В следующий раз мои родители отправились в загс в тот год, когда мне предстояло пойти в школу. Думаю, если бы при поступлении ребенка в первый класс не требовались документы, отец с матерью и не позаботились бы о соблюдении формальностей.

В 54-м году барак на Скаковой улице расселили. Бабушка и мама получили комнату в коммунальной квартире на улице Кирова, бывшей Мясницкой. Сейчас ей вернули первое имя, но для меня Мясницкая навсегда осталась улицей Кирова.

На первом этаже дома располагался магазин «Рыба». Около шести утра во двор начинали въезжать машины, груженые товаром, и все жильцы просыпались.

Грузчики швыряли ящики, ужасно матерились, автомобили гудели...

Я плохо помню ту квартиру. В памяти всплывает длинный коридор, по которому бегают несчетное количество детей, огромная кухня, невероятных размеров санузел с унитазом, стоящим на подставке. Бачок был вознесен под потолок, вниз свисала цепочка из плоских звеньев, заканчивавшаяся фарфоровой ручкой с надписью «Мосводопровод». А вот о нашей комнате не сохранилось почти никаких воспоминаний, но одно знаю хорошо: я спала за шкафами, которые отчего-то стояли не впритык друг к другу, пространство между ними было занавешено газетой, и, когда к нам в гости приходили мама и папа, я, проковыряв пальцем в бумаге дырку, подглядывала за взрослыми.

Я не оговорила, родители приходили в гости. У отца имелась своя жилплощадь, комната в известном доме писателей в Лаврушинском переулке. В те времена почти вся Москва ютилась по коммуналкам, редкие счастливики имели отдельные квартиры, но коммуналки были разными. Наша с бабушкой самая обычная, с множеством клетушек и расписанием на двери ванной, а вот папина считалась элитной, потому что жило в ней всего два писателя: Аркадий Николаевич Васильев и Виктор Борисович Шкловский. Правда, комнаты у них

были меньше некуда, узкие, словно пеналы. Для того чтобы сесть за письменный стол, мой папа перепрыгивал через кровать. Зато у них с Виктором Борисовичем не было никакого расписания на ванной, они не ругались на кухне и мирно открывали дверь своим и чужим гостям.

В крохотной восьмиметровке в Лаврушинском переулке жить вместе с ребенком было просто невозможно, а в квартире на улице Кирова папа поселиться не мог. Жильцы, обозленные появлением в людском скопище еще одной особи, мигом начинали строчить заявления в милицию, сигнализируя о проживании человека без прописки. Поэтому я с бабушкой обитала в одном месте, а папа с мамой в другом. Воссоединились мы лишь в 1957 году, когда построился дом возле метро «Аэропорт».

Вот момент переезда туда я помню очень хорошо. Мы все идем по узеньким доскам, проложенным среди жидкой грязи. Вокруг стоят покосившиеся черные избушки, во дворах натужно орут петухи. Наконец мы подходим к единственному кирпичному зданию. Мама садится на ступени подъезда и начинает плакать.

- Аркадий, куда ты нас завез! Это же деревня! Как здесь жить?

Сейчас трудно поверить, что тот район был в 50-е годы глухой провинциальной окраиной Москвы. Но квартира оказалась очень хорошей, многокомнатной, с большой кухней, я живу в ней до сих пор.

В 59-м году я пошла в школу. Но до этого случилось одно событие, повлиявшее на всю мою дальнейшую жизнь. В августе меня, будущую первоклассницу, привезли с дачи в город. Бабушка пошла со мной гулять во двор. Я стала ковыряться в песочнице, и тут появилась прехорошенькая кудрявая девочка. Она тоже принялась мастерить куличики, мы мигом познакомились и выяснили, что очень скоро, буквально через неделю, пойдем не только в одну школу, но и в один класс. Девочку звали Маша Гиллер, и мы стали лучшими подругами на всю жизнь. Мне трудно сейчас припомнить наши ссоры, наверное, в детстве они все же случались, но класса с пятого мы не повздорили ни разу. Маша всегда около меня: в горе и в радости, я считаю ее своей сестрой, и больше всего меня радует, что такая же дружба связывает и наших детей.

Многие люди с восторгом вспоминают школьные годы, но у меня особо приятных ощущений от тех лет не осталось.

Я была тихим ребенком, не имевшим большого количества друзей. Ни авторитетом, ни любовью у одноклассников я не пользовалась, училась более чем средне. Твердые пятерки у ученицы Васильевой стояли лишь по гуманитарным предметам и немецкому языку. Математика, физика, химия – все это лежало за гранью моего понимания. Правда, арифметику я кое-как освоила, но когда взяла в руки учебник по алгебре! Впрочем, геометрия оказалась еще хуже. Стабильную тройку по этим предметам я имела лишь благодаря умению виртуозно списывать. А вот на выпускном экзамене в десятом классе я испытала настоящий шок, когда увидела, что нас рассаживают в актовом зале в шахматном порядке, по одному за столом, и стоят парты на расстоянии метра друг от друга. Стало понятно, что мне аттестата не дадут никогда, решить экзаменационное задание Грушеньке Васильевой просто не под силу.

Я тупо сидела над пустым листом, когда над головой раздался ровный, спокойный голос нашей преподавательницы математики Валентины Сергеевны:

– Правильно, Груня, хорошо решаешь, только не торопись!

В полном изумлении я уставилась на учительницу. Она что, с ума сошла? Не видит, что перед тупой ученицей Васильевой совершенно чистый черновик?

– Не отвлекайся, Груня, – сухо продолжила Валентина Сергеевна, – переписывай работу аккуратно, следи за полями.

Затем она пошла дальше, изредка останавливаясь возле учеников. Я перевела глаза на парту и увидела листок, исписанный четким почерком Валентины Сергеевны, готовое решение всех экзаменационных задач.

После окончания испытаний я бросилась в учительскую и обняла Валентину Сергеевну. Та сняла очки и пробурчала:

– Да уж! В конце концов, я сама виновата, что в твоей голове не задержалось никаких знаний по точным наукам.

Есть еще одно воспоминание, связанное с десятым классом. Первое сентября, классная руководительница Наталия Львовна, устроившая переключку, отчего-то пропустила фамилию Маши. Наши фамилии были в классном журнале рядом: Васильева, Гиллер. Но, назвав меня, Наталия Львовна потом прочитала:

- Гречановский.

Я уставилась на поднявшегося Игоря и воскликнула:

- Ой, вы Машку не назвали!

- Помолчи, Груня, - велела Наталия Львовна.

Я замолчала. Учительница монотонно читала список и наконец произнесла:

- Трубина.

Я изумилась и завертела головой в разные стороны.

Ага, значит, у нас новенькая, но тут глаза натолкнулись на вставшую Машу.

Урок пошел прахом. Все сорок пять минут я провертелась, усиленно подмигивая подруге. Нас с ней в классе шестом нарочно рассадили по разным партам, чтобы мы не болтали, забыв обо всем на свете.

На перемене я подлетела к Машке:

- Ты поменяла фамилию?

- Ага, - кивнула та.

- А мне почему не сказала?

- Так сама узнала только сегодня утром, - развела руками Машка.

- Чем же Гиллер тебе не понравилась? - недоумевала я. - Красиво звучит!

Маша тяжело вздохнула:

– В институт с такой поступать трудно. Пришлось взять мамину. Я же еврейка по папе получаюсь!

– Кто? – изумилась я.

– Еврейка, – повторила Машка и стала растолковывать мне правду о «пятом пункте».

Я была страшно удивлена. То, что Машка еврейка, меня не поразило; эскимоска, негритянка, узбечка, таджичка – какая разница! Но, оказывается, в нашей стране не все справедливо!

Впрочем, в школьные годы я не задумывалась о многих вещах. Я не знала бедности, горя и несчастий. Мне казалось, что у всех детей есть любящие родители и бабушка, дача, машина, домработница и учителя, не унижающие их достоинство.

Честно говоря, уникальность своей школы, специализированной, с преподаванием ряда предметов на немецком языке, я осознала, уже будучи взрослой.

Начнем хотя бы с того, что у этой школы имелось два здания: «большое» и «маленькое». В последнем учились дети до пятого класса. Во времена моего детства первые четыре класса все предметы вела одна учительница. И только потом мы получали возможность перейти во «взрослое» здание.

Каждое утро ученики, приходившие на занятия, принимали участие в своеобразной церемонии. На лестнице у огромного зеркала стояли директор, дежурный учитель и кто-то из старшеклассников, членов бюро ВЛКСМ. Все девочки, проходя мимо них, должны были сделать реверанс, а мальчики поклониться. У нас были великолепные учителя, свой школьный летний лагерь, огромная библиотека... Одним словом, учебное заведение было таким, в какие сейчас пытаются превратить некоторые платные лицеи и гимназии. И еще – наши преподаватели, строгие, эрудированные, на школьников никогда не орали, не обзывали нас идиотами, не били линейкой по голове, обращались к нам на

«вы» и в первую очередь уважали в нас личность.

Но я, по наивности и глупости, считала все учебные заведения такими же и страшно тяготилась занятиями. Самыми радостными моментами в школьные годы для меня были болезни: свинка, ветрянка, грипп...

Едва в горле начинало першить, как я с радостным лицом неслась к папе в кабинет, где три стены занимали книжные полки. Я провела там много счастливых часов, перебирая тома. Те из вас, кто близок ко мне по возрасту, должны хорошо представлять себе эту библиотеку, в ней были в основном собрания сочинений. Чехов, Бунин, Куприн, Лесков, Мельников-Печерский, все Толстые, Достоевский, Пушкин, Лермонтов, Брюсов, Бальмонт... Отдельно стояли тома Майн Рида, Дюма, Фенимора Купера, Джека Лондона, Вальтера Скотта, Гюго, Бальзака, Золя, Конан Дойла... Всего не перечислить. На самом верху, куда маленькому ребенку было трудно дотянуться, стояли «Декамерон» и том из собрания сочинений Куприна с повестью «Яма».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Профессор Преображенский – один из главных героев книги М. Булгакова «Собачье сердце», который настоятельно рекомендовал не читать газет на ночь.

2

М. Н. Тухачевский (1893 – 1937) – маршал, необоснованно репрессирован и расстрелян, реабилитирован посмертно.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/zapiski-bezumnoy-optimistki-tri-goda-spustya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)